

В мире слишком много умных людей, словно завёрнутых в слои подарочной упаковки, стремящихся придать себе ненужную ценность. Но если снять все эти слои, они вряд ли окажутся достойными потраченных усилий. Шу Цзюнь был другим. Его уязвимость была очевидна, а желания ясно читались в глазах. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять его пыл.

Он часто смотрел на Сюэ Кайчао таким взглядом, но при этом умудрялся молчать. Сюэ Кайчао, привыкший к молчанию, редко встречал таких людей, и потому подумал, что не помешает уделить ему чуть больше внимания.

Он привык к людям, на которых даже не стоило смотреть, и Шу Цзюнь казался ему свежим ветром. Все вокруг чего-то хотели от него, некоторые даже мечтали о его смерти, как стервятники и гиены, кружащие в ожидании падали.

Взгляд Шу Цзюня был чистым, но не лишённым привязанности, что придавало его упрямой резкости оттенок мягкости.

Все любили его мучить, а Шу Цзюнь мучил только себя.

Чем больше юноша был таким, тем чаще Сюэ Кайчао ощущал незнакомую нежность, и его границы отступали, отступали, пока он действительно не начал замечать Шу Цзюня.

Если бы кто-то другой заговорил о многих вещах, он, возможно, рассердился бы. Не потому, что не любил, когда лезут в его чувства, а просто потому, что не терпел, когда его испытывают.

Но Шу Цзюнь...

Он просто ничего не знал, и многое из того, о чём Сюэ Кайчао не говорил, не означало, что ему нечего было сказать. Он не был близок с отцом. Даже после смерти матери, когда они должны были стать друг для друга опорой, они стали ещё более далёкими, и с тех пор у него не было никого, с кем он мог бы говорить откровенно.

Шу Цзюнь стал первым.

Но сам Шу Цзюнь не осознавал необычности такого отношения и скрытой в нём нежности. Он только краснел, пытаясь вырваться из объятий и отвернуться. Он уже однажды сказал нелепый комплимент о внешности Сюэ Кайчао и не хотел повторять. Хотя вырваться не удалось, он с трудом перевернулся, отвернувшись к стене, и спрятал лицо в подушке.

Сюэ Кайчао не торопился и не сердился. Он просто провёл рукой по пояснице Шу Цзюня, зацепив мягкую ткань и потянув вниз.

Шу Цзюнь испугался, быстро сжался и юркнул в сторону, закатившись в самый угол каменной кровати и укрывшись одеялом:

— Я... мои раны ещё не зажили, господин, пожалуйста, отпустите меня.

Он не смел противостоять Сюэ Кайчао, но почему-то чувствовал, что сегодня вечером это было невозможно. Не только физически, но и эмоционально. Поэтому он натянул одеяло, укрывшись с головой, и глухо, почти умоляюще, произнёс:

— Давайте спать, уже поздно.

Всего несколько слов, и уже поздно?

Сюэ Кайчао промолчал, снял одеяло, притянул Шу Цзюня к себе и, даже ласково похлопав по спине, согласился:

— Спи.

Шу Цзюнь лежал в его объятиях, сердце всё ещё бешено колотилось, а лицо горело, но он не хотел отпускать эти объятия, которых не было уже больше десяти дней. Поэтому он послушно закрыл глаза и заснул.

□□□□□□□□□□□□□□□□

На следующий день, когда Шу Цзюнь проснулся, его раны уже почти зажили. Он потрогал поясницу, удивляясь, но Сюэ Кайчао, казалось, был к этому готов.

Использовались хорошие лекарства, поэтому заживление шло быстро.

Утром Шу Цзюнь вскипятил воду для чая, затем достал из источника духовной энергии свежий лотос и каштаны, которые всё ещё выглядели как только что сорванные, и начал их варить. Аромат сахарного османтуса наполнил воздух, а мелкие золотистые лепестки растворились в воде. Лотос и каштаны требовали времени для приготовления, поэтому Шу Цзюнь решил сначала заварить чай.

Прошло уже больше суток с его последнего приёма пищи, и хотя после закладки основания он не так легко чувствовал голод, аппетит всё же давал о себе знать. Если бы они находились в глуши, пришлось бы обходиться тем, что есть, полагаясь на удачу. Но здесь, у подножия горы, был городок, и Шу Цзюнь, будучи молодым и активным, не удержался и спросил Сюэ Кайчао, может ли он спуститься в город, чтобы купить что-нибудь.

У него были деньги, которые дали Ю Цюань и Ю Юй. Вне заданий нужно было тратить деньги, а Дворец Закона находился в самом густонаселённом городе, где царила мирская суета.

Сюэ Кайчао, глядя на плавающую в чашке чайную веточку, поднял глаза:

— Спуститься в город?

Шу Цзюнь опустил голову:

— Купить что-нибудь и заодно продать лошадь. Она мне не нужна, а в Дворец Закона её не возьмут. В городке, кажется, много людей, наверняка кто-то захочет купить.

Сюэ Кайчао уже видел его вьючную лошадь, подумал и спросил:

— Тебе нравятся лошади?

Шу Цзюнь удивился:

— ...Да.

Молодых людей, которым не нравятся лошади, мало. Эти животные добродушны, высоки и красивы, к тому же очень полезны. Вьючная лошадь Шу Цзюня была обычной, с посредственной выносливостью, но он заботился о ней несколько дней, не давая ей страдать.

Сюэ Кайчао кивнул, задумавшись:

— Тебе действительно нужен скакун. Змейка хороша, но на ней не поедешь.

Это напомнило Шу Цзюню, что у змейки есть крылья, и теоретически на ней можно летать, но из-за её необычности это было небезопасно. Он был убийцей, и ему лучше было оставаться незаметным.

Сюэ Кайчао встал, отложив чашку:

— Я спущусь с тобой.

Шу Цзюнь был поражён. Он знал, что Ю Цюань, вероятно, стала бы возражать, но сам он никогда не пробовал убеждать, поэтому его слова превратились в:

— Правда?!

Радость перевесила страх.

Сюэ Кайчао взглянул на него, слегка приподняв бровь, не похоже, чтобы он сердился или был заинтересован в мирской суете:

— Правда.

Шу Цзюнь открыл рот, не зная, что ещё сказать. Лучший момент для возражений, казалось, уже прошёл, и он ломал голову, пытаясь придумать, как возразить, когда Сюэ Кайчао уже велел ему:

— Приведи лошадь, пойдём.

Скоро солнце поднимется, и хотя уже август, здесь всё ещё жарко, и полдень — не лучшее время для выхода.

Шу Цзюнь, видя, что Сюэ Кайчао действительно собирается спуститься, не смог его остановить. Он пошёл за лошадью, а затем вышел из пещерной обители, наблюдая, как Сюэ Кайчао запирает дверь. Вдруг он вспомнил, что Ю Цюань и Ю Юй до сих пор не вернулись, и спросил:

— А когда вернутся Ю Цюань и Ю Юй? Вдруг мы уйдём, а они придут...

Сюэ Кайчао, заперев дверь и закрыв огромную каменную плиту, служившую барьером, не беспокоился:

— Они справятся. Пойдём.

Пойдём? Как? Шу Цзюнь с сомнением посмотрел на спокойное лицо лошади, сомневаясь:

— Эта лошадь... выдержит двоих?

Шу Цзюнь не знал, сколько весил Сюэ Кайчао, но представлял себе его вес и боялся, что лошадь сломается. Только после этого он подумал, что можно было бы посадить на лошадь Сюэ Кайчао, а самому идти пешком. Для него это не было бы сложно, и без лошади он добрался бы до города за считанные минуты.

Но с лошастью всё становилось сложнее.

Сюэ Кайчао, видимо, не ожидал такого предложения, внимательно посмотрел на лошадь и, казалось, был слегка озадачен.

Шу Цзюнь тоже подумал, что, хотя Сюэ Кайчао переоделся и выглядел проще, он всё равно был слишком величественным для городка. Ехать на такой лошади было бы унижением. Но Сюэ Кайчао, подумав, решил принять предложение:

— Пойдём.

С этими словами он взял поводья, ловко вскочил на лошадь, а затем протянул руку и поднял Шу Цзюня. Тот, привыкший к тому, что Сюэ Кайчао не обращает внимания на его вес, всё же был удивлён, когда его посадили на лошадь, как ребёнка. Он вскрикнул, но быстро прикрыл рот.

Он сидел перед Сюэ Кайчао, и, хотя лошадь несла двоих, она, казалось, справлялась.

Сюэ Кайчао, наклонившись к его уху, сказал:

— Ты не заметил, что после закладки основания тело стало легче?

Ах, этот кислый запах собачьей еды [романтики]. Первый день публикации, пожалуйста, поддержите! Нужны звёзды, нефритовые подвески и объятия!

<http://bllate.org/book/16142/1445635>